

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-7-26

УДК 94; 327

Владимир Васильев

Россия и Америка в XXI в.: логика цивилизационного противостояния

Аннотация. *Российско-американские отношения анализируются в ретроспективном историческом контексте, трактуемом как процесс прогрессирующего сближения двух цивилизаций, начиная с установления дипломатических отношений между двумя странами в 1807 г. Первоначальные этапы их сближения характеризовались значительной степенью иллюзорно-идеалистического восприятия, основанного на представлении о наиболее близких «по духу» христианских народах. Однако в XX в. ярко выраженная полярность политических и социально-экономических систем США и СССР предопределила острейшие формы конфронтации между ними, вплоть до балансирования в отдельные периоды «на грани ядерной войны». Распад СССР в 1991 г. породил эйфорию предполагаемой быстрой конвергенции американского и российских обществ, которая быстро развеялась под влиянием начавшегося взаимопроникновения «духовных ядер» двух типов мирового цивилизационного развития. Последовательный исторический процесс сближения России и Америки по оси «цивилизационная периферия — цивилизационное ядро» выявил фундаментальную противоположность и даже антагонистичность их цивилизационных «генетических кодов». В условиях сложившихся в последние 30 лет дисбалансов в распределении геополитических и геоэкономических сил между Россией и США объективной модальностью российско-американских отношений стали взаимосвязи «имперского центра» и «колониальной периферии».*

Ключевые слова: *российско-американские отношения, Россия, США, дипломатические отношения, цивилизационное взаимодействие, цивилизационное противостояние.*

Начало российской спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. ознаменовало наступление фундаментально нового периода в системе международных отношений, сопоставимого по своей значимости и последствиям с тектоническими сдвигами в геополитической расстановке сил, произошедшими в начале 1990-х годов после распада СССР. На смену холодной войне 2.0 [Abrams], характеризовавшей российско-американские отношения в 2020 — начале 2022 гг., пришли политизированные оценки событий на Украине высшим руководством США и Европейского союза и объявление западными странами «тотальной» экономической войны России, что послужило основой для начала «горячей фазы» противостояния России и «коллективного Запада». Все это побудило

Сведения об авторе: *ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутриэкономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.*

американских теоретиков международных отношений проанализировать истоки и последствия событий на Украине с точки зрения господствующих западных теорий и школ.

Основную направленность научно-методологического и теоретического осмысления военного конфликта на Украине задал видный теоретик международных отношений, проф. Гарвардского университета С. Уолт, являющийся последовательным критиком внешней политики демократических администраций Б. Обамы — Дж. Байдена и Дж. Байдена — К. Харрис и поборником теории реализма в анализе международных отношений. Эта теоретическая школа получила широкое распространение среди американских специалистов по международным отношениям сразу же после окончания Второй мировой войны. Ее представители «пытались понять феномен исторического постоянства войн», и на протяжении второй половины XX в. реалистическая теория оставалась наиболее влиятельной концепцией международных отношений, поскольку именно она «наиболее адекватным образом объясняла постоянное состояние войны, в котором примерно с 1948 по 1991 г. находились Соединенные Штаты и Советский Союз» [Cox, Campanaro, p. 108].

Военный конфликт на Украине, имеющий потенциал постепенного перерастания в прямое военное столкновение между Россией и НАТО, вдохнул вторую жизнь в базовые теоретические постулаты реалистической школы международных отношений. С. Уолт сделал особый акцент на этом обстоятельстве, подчеркнув, что «все варианты реалистической теории международных отношений изображают мир, в котором нет института или международной организации, способных защитить государства друг от друга, и где государства сами должны беспокоиться о том, не станет ли в какой-то момент в будущем им угрожать опасный агрессор. Эта ситуация заставляет государства, особенно великие державы, уделять повышенное внимание своей безопасности и бороться за усиление своих позиций в системе международных отношений» [Walt].

Стремление использовать инструменты силовой политики, напомнил С. Уолт, тесно связано с «дилеммой безопасности», которая стоит и перед отдельными государствами, и перед союзами государств, стремящимися обеспечить свою безопасность. Эта дилемма в общем и целом так и не была удовлетворительно решена ни после Второй мировой войны, ни после завершения холодной войны в начале 1990-х годов. В трактовке С. Уолта «дилемма безопасности» выглядит чрезвычайно просто и сводится к тому, что «шаги, которые предпринимает одно государство для обеспечения своей безопасности, оборачиваются ослаблением безопасности другого государства или других государств» [Walt]. Спецоперация на Украине, начатая 24 февраля 2022 г., явилась российской реакцией на политику «открытых дверей» НАТО для повышения степени коллективной безопасности стран альянса за счет значительного ослабления безопасности России, неизбежного в случае вступления Украины и Грузии, а также других европейских стран в НАТО.

Военный конфликт на Украине отчетливо показал несостоятельность либеральной школы и теории международных отношений, поборники которой до недавнего вре-

мени всерьез полагали, что крупный военный конфликт на Европейском континенте более невозможен, поскольку расширение НАТО на восток создает «обширную зону мира». Фундаментальное различие реалистической и либеральных школ и теорий международных отношений сводится к тому, что теоретики либерального миропорядка по сути проецируют государственные системы обеспечения национальной безопасности на систему межгосударственных отношений, которая по их представлениям является ее логическим следствием и продолжением, в то время как поборники школы реализма исходят из противоположных воззрений, полагая, что межгосударственные отношения имеют свою логику и закономерности, несводимые к национальным системам обеспечения государственной безопасности.

Организирующим принципом либерального миропорядка является взаимозависимость, которая «уменьшает международные конфликты, поощряя гармонию интересов, т. е. формирует систему общих целей, достижение которых возможно через различного рода формы международного сотрудничества». В общем и целом либеральный миропорядок базируется на идее, что «либеральные демократии с либеральными демократиями не воюют», что является также краеугольным камнем теории «демократического миропорядка» [Сох, Самраного, р. 96]. Как отметил в этой связи ведущий американский теоретик либеральной школы международных отношений, проф. Принстонского университета Д. Айкенберри, либеральный интернационализм «предлагает видение миропорядка, в котором суверенные государства, **ведомые либеральными демократиями** (выделено мной. — В.В.), сотрудничают ради взаимных выгод и обеспечения безопасности в системе слабо регламентированных правовых норм международных отношений» [Ikenberry, р. 13].

Цивилизационная модель российско-американских взаимоотношений

С рационально-логической точки зрения взаимосвязи в рамках реалистической и либеральной школ международных отношений могут быть представлены в виде формул, в которых состояние войны является производным от параметра национальной безопасности, а состояние мира — производным от параметра организации политической системы, в вышеприведенном случае — от степени глобального распространения режима либеральной демократии. Таким образом, в более широком плане формально-абстрактное моделирование российско-американских взаимоотношений основано на выявлении взаимосвязей между зависимыми переменными, в данном случае отношениями, и независимыми переменными, трактуемыми как константы в пространственно-временном континууме. Иными словами, отношения предстают в качестве переменных, функционально зависимых от постоянных детерминант.

В ретроспективном контексте смены (нередко революционной) общественных институтов, политических режимов и даже социально-экономического строя как такового встает проблема вычленения сравнительно устойчивой в потоке исторического времени человеческой общности, которую можно описать как *локальную (региональную) цивилизацию*. Согласно устоявшемуся определению, локальная цивилизация

(в данном случае — российская, или православно-славянская [Василенко, с. 163–208], и американская, или североамериканская (США и Канада) [Кузык, Яковец, т. II, с.69]) представляет собой «локализованное во времени и пространстве мегаобщество как самобытный социоисторический организм и определенный вид социально-культурной среды обитания. Она создается деятельностью народа как ее субъектом на основе совокупных достижений в развитии общества и культуры. Характеризуется присущими данной социально-культурной среде обитания определенными ценностными установками и ориентациями людей, своеобразным видом их бытия и жизнедеятельности, обычаями их поведения и нормами образа жизни» [Пазюк, Ефимова, Кубрина, с.33]. По авторитетному мнению Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца, локальные цивилизации, как важнейшие составные части глобального сообщества, различаются «по системе цивилизационных ценностей, условиям обитания и деятельности, историческому опыту. Они также проходят через определенные этапы исторического пути — смену поколений локальных цивилизаций и фаз жизненного цикла каждой цивилизации и каждого их поколения» [Кузык, Яковец, т. I, с. 88].

Функциональная трактовка российско-американских взаимоотношений, таким образом, должна основываться на системе пространственно-временных координат. Иными словами, эти взаимоотношения носят динамический характер, зависящий от пространственно-временной удаленности России от Америки и наоборот Современный научно-технический прогресс, начавшийся с промышленного переворота в Англии в последней трети XVIII — первой половине XIX вв., способствовал постепенному «пространственному сближению» России и Америки, а революция в информационно-коммуникативных технологиях, которая стала набирать обороты в последней трети XX столетия, послужила основой формирования глобального информационного пространства, сблизившего потоки «исторического времени» двух стран (безотносительно к векторам их направленности).

В итоге, начиная примерно со второй половины 1980-х годов, периферийное взаимодействие североамериканской и православно-славянской цивилизаций, характеризовавшее российско-американские отношения с начала XIX в. и вплоть до окончания периода холодной войны между СССР и США в начале 1990-х годов, во все большей степени стало отходить на второй план, уступая место взаимодействию духовных ядер двух цивилизаций, главным образом — в виде трансформации духовного ядра православно-славянской цивилизации под влиянием растущей американизации российского общества как на уровне базовых цивилизационных ценностей, так и на уровне «шоковой терапии» в духе идей «плюралистической» либеральной демократии и канонов «свободного рынка».

В самой общей форме цивилизационное сближение Америки и России отражено на схеме (рис.1).

Формы цивилизационного взаимодействия России и Америки в XI–XXI вв.

Американская цивилизация

Российская цивилизация

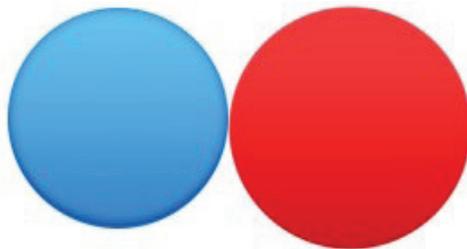
XIX в.: идеализация межцивилизационных отношений.

Родственный характер «американской мечты» и «русской идеи» [Баталов]

XX в. (вторая треть — 1990-е годы).

Соприкосновение внешних цивилизационных контуров (холодная война)

Конец XX в. — первые десятилетия XXI в.

Взаимопроникновение кодов цивилизационного развития.

«Цивилизационное выживание»

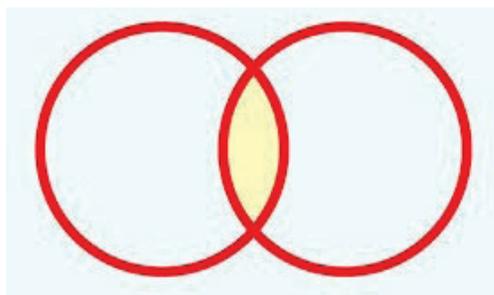

Рис. 1.

Взаимопроникновение духовных ядер североамериканского и православно-славянского цивилизационных типов позволяет приблизить российско-американские отношения к их первооснове, как функционально зависимые и предопределяемые генетическими цивилизационными кодами. Под последними понимается «ДНК общественного организма как единого фокуса, который высвечивает то, что было, есть и продолжает быть» [Соколова]. Иными словами, генетический цивилизационный код

«позволяет обнаружить сущностно-глубинные связи трансцендентного и посюстороннего, прагматического уровней бытия в их непосредственном проявлении» к судьбе конкретного типа цивилизации, ее существованию «в разных ее исторических воплощениях и раскрытию присущего ей метаисторического смысла, роли и предназначения в мире» [Соколова]. Эта характеристика цивилизационного генетического кода в одинаковой мере применима как к православно-славянскому, так и к североамериканскому цивилизационному типам.

Соприкосновение генетических цивилизационных кодов двух некогда географически отдаленных друг от друга стран на рубеже XX–XXI вв. поставило в практическую плоскость две проблемы фундаментального свойства.

Первая проблема связана с выявлением характера базовой модальности взаимоотношений североамериканского и православно-славянского цивилизационных типов, а именно: являются ли эти цивилизации дружественными формированиями, дополняющими одна другую в «созвездии» мировых цивилизаций, либо по своей онтологической природе они являются антагонистами? В последнем случае, как минимум, возвышение и «расцвет» одной цивилизации в качестве обязательного условия предполагает упадок и нисходящее развитие другой.

Вторая проблема непосредственно вытекает из специфики цивилизационного генетического кода, определяющего временные рамки существования отдельных цивилизаций. Макроисторической особенностью является циклическая закономерность развития цивилизаций, обуславливающая их смену в мировом развитии. Как указывали в этой связи Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец, нет ни одной «системы в обществе — от семьи до глобальной цивилизации, которая не была бы подвержена закономерностям циклической динамики, не проходила бы через фазы зарождения, освоения, распространения, зрелости, кризиса и перехода либо к новому витку спирали развития, либо в реликтовое состояние» [Кузык, Яковец, т. V, с. 46].

Таким образом, на специфику взаимоотношений североамериканской и православно-славянской цивилизаций оказывают влияние фазы их циклического развития. В частности, отечественные исследователи Ю.В. Пазюк, В.А. Кубрина и В.П. Ефимова полагают, что в настоящее время североамериканская цивилизация переживает фазу старения, характеризующуюся зрелостью материальной и кризисом духовной культуры, в то время как православно-славянская цивилизация находится на стадии своего становления [Пазюк, Кубрина, Ефимова, с. 86]. В чисто теоретическом плане вполне правомерна постановка вопроса о том, в какой степени в XXI в. возможны утрата североамериканской цивилизацией своего лидирующего положения в мире и приход ей на смену одной из евразийских цивилизаций, будь то китайская или православно-славянская. Можно отметить, что по итогам Второй мировой войны в середине XX в. в цивилизациях западного мира произошла окончательная смена лидера, при которой западноевропейская цивилизация уступила свои доминирующие позиции североамериканской, причем смена произошла в рамках хорошо известной модели «столкнове-

ния цивилизаций» С. Хантингтона, растянувшись на всю первую половину прошлого столетия¹.

Трактовка международных отношений с широких позиций цивилизационного подхода достаточно быстро обнаруживает проблему конфронтации культурно-исторических цивилизационных типов, обусловленную разными фазами их исторической эволюции. В начале 1870-х годов она была блестяще диагностирована русским мыслителем, культурологом и геополитиком Н.Я. Данилевским (1822–1885), который определил первоисток многовекового враждебного отношения Европы к России (или, говоря современным языком, русофобии), состоящие не просто в противоположности германо-романской и славянской цивилизаций, но и в том, что европейская цивилизация в широком смысле этого слова вступила на путь нисходящего развития, в то время как славянская цивилизация содержит в себе зародыши будущего типа цивилизационного развития. Почти 150 лет назад Н.Я. Данилевский прозорливо писал: «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д.». Именно поэтому, заключал он, Европа видит «в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало». [Данилевский, с.50–51]. Возможно, сам того не осознавая в полной мере, Н.Я. Данилевский очертил главную геополитическую установку религиозно-духовных элит германо-романских стран, имевших на тот момент по меньшей мере интуитивное представление о специфике генетического цивилизационного европейского кода и стремившихся не допустить «вызревания» на евразийских просторах славянского «четырёхосновного» (религиозного, научного, политико-экономического и эстетического) культурно-исторического типа, который должен постепенно прийти на смену европейскому «двухосновному» (политическому и научному) цивилизационному типу [Данилевский, с. 508].

И хотя работа Н.Я. Данилевского была посвящена цивилизационным взаимоотношениям Европы и России, следует заметить, что с позиций своей теории культурно-исторических типов великий русский мыслитель, пусть и мимоходом, констатировал полярность североамериканского и православно-славянского типов цивилизации, почти ясновидчески указав на то, что «Америка, с которой нередко сравнивают Россию, составляет с ней полную противоположность» [Данилевский, с. 498].

Эта констатация «онтологической несовместимости» американской и славянской цивилизаций тем более примечательна, что она была сделана на фоне «медовых» отношений, установившихся между Россией и США после того, как Россия в 1867 г.

1 В своей работе «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон (1927–2008) так охарактеризовал этот процесс: «В отличие от многих цивилизаций, Запад имеет два центра власти. Начавшийся в 1900 году закат ... был по существу закатом европейской составляющей западной цивилизации. С 1910 по 1945 год Европа была разделена на противостоящие стороны, поглощена внутренними экономическими, социальными и политическими проблемами. Однако в 1940 году началась американская фаза западного господства...» [Хантингтон, с. 118–119].

«уступила» Соединенным Штатам Аляску. «Наведение мостов» выразилось в беспрецедентном четырехмесячном визите за океан великого князя Алексея — третьего сына императора Александра II — (с ноября 1871 г. по февраль 1872 г.), в ходе которого он объехал почти всю территорию США, приняв участие, среди прочего, в специально устроенной для российской делегации охоте на бизонов в шт. Небраска. Весной 1872 г. состоялся ответный визит в Россию героя Гражданской войны 1861–1865 гг. генерала У. Шермана, которого сопровождал сын президента США У. Гранта Фредерик Грант. Американская делегация была удостоена аудиенции у Александра II, который выразил благодарность американской стороне за теплый прием, оказанный в США великому князю Алексею [United States Relations with Russia...].

Российско-американские отношения в 1807–1917 гг.: моменты истины цивилизационного взаимодействия

Ретроспективное осмысление истории российско-американских отношений с момента образования США в 1776 г. обнаруживает достаточно удивительный алгоритм, сформировавшийся на самых первых этапах российско-американского цивилизационного сближения в начале XIX столетия. В течение первых 50 лет политических, дипломатических, торгово-экономических и научно-культурных контактов между Россией и молодой американской республикой возникла четко прослеживаемая политика «двойных стандартов», проистекавшая из дихотомии широковещательных политических деклараций руководства двух стран и нарастающих различий и противоречий в их фундаментальных экономических интересах. С позиций модели цивилизационного взаимодействия можно выдвинуть тезис о том, что политико-декларативная составляющая российско-американских отношений отражала их внешний, «поверхностный», достаточно изменчивый слой, в то время как экономические интересы имели — и имеют — самое прямое отношение к специфике и характеристике генетического цивилизационного кода двух стран.

1. Декабрь 1807 г.: установление дипломатических отношений между Россией и США и начало политики «двойных стандартов».

Романтическая история установления официальных дипломатических отношений между Россией и США восходит к переписке второго президента США Т. Джефферсона, занимавшего эту должность в 1801–1809 гг., и российского императора Александра I. Инициатива установления официальных отношений исходила от Т. Джефферсона и была продиктована сугубо геополитическими соображениями. В частном письме, написанном летом 1807 г., один из отцов-основателей США так объяснил американский интерес к геополитическому сближению с «далекой» Российской империей: «Наша страна, как и его страна, по природе своей нейтральна, наши интересы в том, что касается прав нейтральных держав, и наши чувства совпадают... Александр I будет солидарен с правительством США на любой европейской мирной конференции. Я углубился в этот предмет, поскольку уверен, что Россия... является самой искренне дружески расположенной к нам страной из всех стран мира; ее услуги пригодятся нам и впредь,

и нам надо искать, прежде всего, ее расположения... Желательно, чтобы такие чувства разделяла вся нация» [Цит. по: Савойский Благодаря Александру I... с. 118].

Подобного рода настроения разделял и Александр I, который видел в более тесных связях с Америкой «естественный» противовес европейским державам, прежде всего наполеоновской Франции и нельсоновской Великобритании. Однако интерес российской монархии к Северо-Американскому континенту проистекал также из политики царской России по колонизации северо-западной части Америки, включая Аляску и Северную Калифорнию. В 1799 г. Россия создает Российско-американскую кампанию с монополией на торговлю в бассейне Тихого океана и на северо-западе Северной Америки, а в 1812 г. — поселение Форт-Росс в Северной Калифорнии. Все эти территориальные приобретения России на северо-западе США получили название «Русской Америки». Колонизация этой части Северо-Американского континента становится важным приоритетом внешней политики Александра I. В 1801 г. правление компании переводится в Санкт-Петербург, и в том же году Александр I и многие члены царской фамилии становятся ее акционерами.

Необходимость защиты экономических интересов России в северной части Тихого океана привела к тому, что в 1821 г. был издан императорский указ, согласно которому территория на северо-западе Америки к югу до 51 градуса северной широты была объявлена юрисдикцией Российско-американской компании, получившей монополию на торговлю, рыболовство и пушную охоту, и при этом иностранным, главным образом американским, судам запрещалось приближаться к берегам Русской Америки ближе чем на 220 км [Савойский Становление... с. 84]. Малоакцентированным как в отечественной, так и в американской литературе является тот факт, что хорошо известная и применяемая иногда даже в настоящее время «доктрина Монро», т.е. доктрина пятого президента США Дж. Монро (1817–1825), явилась непосредственным американским ответом на указ 1821 г. Александра I. Ее общий смысл свелся к тому, что США больше не собирались безучастно смотреть на попытки европейских держав колонизировать Западное полушарие, включая не только Северную, но и Южную Америку, при этом в числе стран-колонизаторов значились, помимо России, Франция, Великобритания, Испания и Португалия. В послании Дж. Монро Конгрессу США, окрашенном во «вневременные» тона, говорилось: «Совершенно исключено, чтобы европейские державы распространяли свою политическую систему на любую часть Западного полушария, не ставя под угрозу наш мир и благополучие; и никто не должен верить в то, что наши братья из южноамериканских стран, если их предоставить самим себе, примут соответствующее вмешательство по собственной воле. Поэтому в равной степени невозможно, чтобы мы равнодушно относились к такому вмешательству в любой форме» [Monroe].

Иными словами, политическое руководство США уже на начальном этапе становления страны всерьез считало, что такие предприятия, как, например, Русско-американская компания или поселение типа Форт-Росс, являются не чем иным, как частью политической системы «неамериканских» государств, которые потенциально несут угрозу самим основам существования североамериканской цивилизации как таковой!

И автором этого послания Конгрессу США был Дж. Монро, через которого во второй половине 1807 г., в бытность его американским посланником в Лондоне, шла переписка Т. Джефферсона с Александром I и который, таким образом, стоял у истоков установления «взаимовыгодных» российско-американских дипломатических отношений!¹

2. Март 1867 г. и «уступка» Аляски: «доктрина Монро» vs. геополитический союз двух «подлинно христианских народов».

Различные аспекты «уступки» Аляски правительством Александра II в марте 1867 г. достаточно широко обсуждались в отечественной научной печати как в советское время, так и после 1991 г.² В целом исследователи, придерживавшиеся разных точек зрения, уделили сравнительно небольшое внимание геополитическим факторам этой, говоря современным языком, межгосударственной сделки, акцентируя внимание либо на ее конспирологических аспектах [Пыхтин], либо на социально-экономической целесообразности «избавления» от экономически убыточного, по крайней мере на тот момент, колониального актива Российской империи [Болховитинов]. Вместе с тем сложилось достаточно устойчивое представление, что события 1867 г. сформировали «геополитическую мифологию Аляски» как важнейшего прецедента, базового алгоритма цивилизационного взаимодействия России и США, который определил фундаментальный характер их отношений на последующие 150 лет [Знаменский, с. 68].

Отличительными признаками этого алгоритма следует считать идеалистический характер российского отношения к Америке как к «прекрасной стране», которому США противопоставили сугубо прагматический и даже утилитарно-экономический подход. Иными словами, «хорошие отношения» между Россией и США мыслились российской монархией как некая самоцель, а экономика и материальные факторы в узком и широком смысле не имели в этой логике большого значения. В то же время американские правящие круги, наоборот, были склонны отождествлять «хорошие отношения» с ощутимыми экономическими и материальными, в том числе территориальными приобретениями.

1 В результате мощного американского давления в апреле 1824 г. была заключена русско-американская конвенция «О дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле» (ратифицированная в 1825 г.), согласно которой южная граница Русской Америки отодвигалась с 51-ой параллели северной широты до примерно 55-ой параллели, американским судам было разрешено заходить в российские порты, а российская часть акватории Тихого океана была объявлена зоной совместного рыболовства сроком на 10 лет. Эта конвенция стала первым официальным документом в истории российско-американских отношений, и, возможно, тоже создала базовый прецедент, согласно которому документы подобного рода должны содержать односторонние уступки с российской стороны. Сдвиг границы российских владений «всего» на 4 градуса к северу привел к тому, что их площадь в Северной Америке уменьшилась вдвое — с примерно 3,2 млн км² до 1,519 млн км² [Дудин].

2 См., в частности, библиографический список публикаций в «Русское Америке [Русская Америка].

«Избавление» от колониального пассива было представлено царским правительством именно как «уступка», экономическая цена которой была сугубо символической. Вопрос о сделке по купле-продаже Аляски возник в середине 1850-х годов, и тогда же США оценили стоимость Российско-американской компании, которой принадлежали исключительные права на освоение Аляски, в 7,5 млн долл. (серебром) [История Русской Америки, с. 384]. В окончательном тексте конвенции «об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний», подписанной 30 марта 1867 г. в Вашингтоне, фигурировала сумма в 7,2 млн долл. (золотом) [Высочайше ратифицированная...]. В отечественной литературе, насколько известно автору данной статьи, не получила никакого освещения докладная от 10 мая 1867 г. тогдашнего американского посла в России К. Клея, который, получив текст конвенции, отправил восторженное послание государственному секретарю США У. Сьюарду, поздравляя его с «блестящим достижением» американской дипломатии. В результате, писал Клей, «к территории нашего Союза была присоединена столь обширная территория, порты, шахты, лесные угодья, пушные и рыбные богатства которой практически невозможно выразить в цене, на землях которой можно выращивать множество сельскохозяйственных культур, даже пшеницу и которая со временем станет местом проживания выносливого и трудолюбивого белого населения. Я оцениваю стоимость этих приобретений как составляющую по меньшей мере 50 млн долл., и моментами даже не могу поверить, чтобы сделка подобного рода вообще состоялась» [Papers Relating to Foreign Affairs... Document 325].

В своей роли выразителя американских интересов посол К. Клей прекрасно осознал именно геополитические последствия российской «уступки» Аляски США. Для него колонизация Аляски была отражением идеологии освоения «новых рубежей», или «новых границ» на Северо-Американском континенте — идеологии, которой США следовали и которую исповедовали практически с самых первых этапов развития американской цивилизации. Как отмечал видный американский историк конца XIX — начала XX вв. Ф. Тернер (1861–1932), идеология освоения «новых рубежей» уже в первой трети XIX в. привела к тому, что исходные представления об американской демократии отца-основателя и второго президента США Т. Джефферсона (1743–1826) быстро «трансформировались в национальный республиканизм президента Дж. Монро и партийную демократию президента Э. Джексона» [Turner].

Представления Ф. Тернера о постоянном стремлении США к освоению «новых рубежей», безусловно, следует считать проявлением американского цивилизационного кода. Можно отметить, что еще 100 лет назад другой видный американский историк того времени — Ф. Голдер (1877–1929), специализировавшийся на истории России, прямо считал приобретение Аляски практической реализацией «доктрины Монро» и теории «предначертанной Судьбы». В своей статье «Продажа Аляски», увидевшей свет в 1920 г., Ф. Голдер писал, что «европейцы могут сколько угодно посмеиваться над «доктриной Монро» и «предначертанной Судьбой», но если бы они были лучше знакомы с американцами, то знали бы, что эти идеи текут в самой их крови и витают в воздухе, которым американцы дышат» [Golder, p 416]. Напомним, что в основе идеологии

«предначертанной Судьбы», впервые сформулированной в 1845 г., лежало представление о том, что «Соединенным Штатам суждено — Богом, как верили сторонники этой идеи, — расширить свое господство и распространить демократию и капитализм по всему Северо-Американскому континенту» [Manifest Destiny].

Было совершенно очевидно, что, установив свою юрисдикцию над Аляской, США перешли в цивилизационное наступление. Именно так «уступка» Аляски была воспринята в Лондоне, который практически немедленно приступил к формированию мощного территориального барьера на пути дальнейшей экспансии США на Северо-Американском континенте, создав 1 июля 1867 г. новый доминион «Ее Величества королевы Виктории» — Канаду в составе Британской империи. С тех пор эта дата официально считается днем основания северного соседа США.

В свою очередь, российское руководство в лице министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, занимавшего эту должность с 1856 по 1882 г., мысля не только в геополитических категориях, рассматривало российско-американские отношения как форму прежде всего цивилизационного взаимодействия двух стран. В письме тогдашнему российскому послу в США Э.А. Стекло, сыгравшему главную посредническую роль в российско-американской сделке по Аляске, Горчаков еще в августе 1865 г. (!) написал дословно следующее: «Мне нет необходимости углубляться во все проявления симпатии между двумя странами. В последнее время они заявили о себе с особой силой; это обстоятельство является самым большим обнадеживающим знамением нашего времени в свете недавних осложнений, которые вновь заявили о себе в европейской политике в форме ненависти, имперских амбиций, кровавых сражений, угроз применения силы, которые почти не имеют никакого отношения к прогрессу в развитии человечества. В противоположность этому российско-американские отношения, сеящие семена взаимного уважения и дружбы, и не только между двумя великими народами, но и между двумя континентами, в будущем принесут плоды в форме устойчивых долгосрочных отношений, воплощающих подлинный дух христианской цивилизации» [Papers Relating to Foreign Affairs... Document 318].

Географическая отдаленность Санкт-Петербурга и Вашингтона в тот период навела иллюзии идентичного понимания цивилизационного предназначения России и Америки. Однако довольно скоро выяснилось, что христианство в православной Руси отнюдь не является зеркальным отражением христианства в протестантской Америке и наоборот. Сам факт оставления Россией своих владений на северо-западе Северо-Американского континента можно было трактовать как акт территориального передела «малоосвоенной Ойкумены», перспективы социально-экономического развития которой представлялись на тот момент весьма туманными. Но с точки зрения идеологии «предначертанной Судьбы» уход россиян вполне мог рассматриваться в США как еще одно подтверждение цивилизационного превосходства Америки. По сути, русских «изгнали» так же, как до этого и коренных жителей Северной Америки на большей части Соединенных Штатов. И «обнадеживающие проявления» американского понимания цивилизационных миссий двух «великих христианских народов» — диаметрально противоположного российскому — не заставили себя ждать.

Даже в официальной американской хронологии американско-российских отношений с 1860 по 1890 г. после пункта «Покупка Аляски США в 1867 г.» следующей важнейшей «вехой» значится 1869 г., когда в прессе США стало впервые широко обсуждаться положение еврейской диаспоры в Российской империи. В публикации Государственного департамента говорится дословно следующее: «...к концу 1860-х годов газеты США начали сообщать об актах антисемитизма по отношению к евреям, проживающим в России, указывая на то, что, несмотря на тенденцию к прогрессивным реформам в российском обществе, российские евреи лишены основных прав. Это побудило Юджина Шайлера, консула США в Ревеле, подготовить докладную записку в Вашингтон, в которой он подверг критике положение российских евреев в западных и юго-западных приграничных провинциях Российской империи, известное как „черта оседлости”» [United States Relations with Russia...]. Основной «код» цивилизационных отношений России и Америки на последующие 150 лет — «права человека» — был сформулирован и запущен в политический и дипломатический оборот!¹

3. Либеральная демократия В. Вильсона, революция 1917 г. и распад Российской империи.

Избрание в 1912 г. президентом США В. Вильсона (1913–1921), в прошлом профессора, а впоследствии президента Принстонского университета, явилось беспрецедентным явлением в политической жизни Америки. В Белый дом пришел президент-интеллектуал в современном понимании этого термина, чего ранее и позднее никогда в американской истории не было, за исключением, возможно, 1000 дней президентства трагически погибшего Дж. Кеннеди (1961–1963). Большая часть двух сроков пребывания В. Вильсона у власти пришлась на время Первой мировой войны (и первые годы послевоенного урегулирования) — цивилизационной катастрофы, подобной которой человечество до того не знало.

В своих речах, статьях и программных документах администрация В. Вильсона обозначила контуры «всеобщего мира» и «цивилизационной гармонии» в планетарных

1 В начале 1880-х годов в российско-американских отношениях возникает так называемая паспортная проблема, связанная с отказом российских властей признавать паспорта американских евреев, желавших налаживать торгово-экономические связи с Россией. Постепенно нарастая, паспортная проблема привела к тому, что в 1911 г. США денонсировали бессрочный русско-американский договор «О торговле и мореплавании» 1832 г. [Cohen] — по сути, основополагающий договор, регламентировавший российско-американские торгово-экономические связи, заключенный царской Россией. Советско-американское торговое соглашение 1972 г. было торпедировано поправкой Джексона-Вэника к Закону о торговле 1974 г., в соответствии с которыми Советскому Союзу было отказано в режиме наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах из-за проводимой им эмиграционной политики, главным образом в отношении евреев [Pregelj]. Поправка Джексона-Вэника действовала до 2012 г., до вступления РФ в ВТО, однако в 2012 г. она была официально заменена на дискриминационный Закон С. Магнитского, принятие которого было также мотивировано нарушениями прав человека в РФ [The Global Magnitsky...]. После 24 февраля 2022 г. США объявили РФ «тотальную» экономическую войну [Invasion of Ukraine...].

масштабах и общий подход к их установлению. При всей велеречивости президента-профессора, концепция эта строилась на идее «демократии с демократиями не воюют». И, следовательно, «магическим ключом» к общемировой цивилизационной гармонии должно было стать распространение модели американской политической либеральной демократии в глобальном масштабе, на тот момент — среди европейских стран, большая часть которых, в том числе и Россия, имели монархическое устройство. По авторитетному мнению профессора истории Л. Амброзиуса, считающегося в США ведущим специалистом по внешнеполитическим аспектам вильсоновского либерализма, В. Вильсон твердо исходил из того, что Первая мировая война «завершится созданием глобального сообщества либеральных демократий с капиталистической экономикой» [Ambrosius, p. 2].

При этом глобальное насаждение модели либеральной демократии носило отнюдь не инструментально-технический характер — в понимании В. Вильсона процесс пролиферации либеральных демократий был сродни освоению Америкой «новых рубежей» в ее цивилизационном развитии, и в этом плане США реализовывали свое «божественное предназначение». Как подчеркивает Л. Амброзиус, миропорядок в представлении В. Вильсона являлся историческим процессом, в котором «в качестве венца творения выступали Соединенные Штаты, что и придавало американцам уверенность в своем будущем. Новый всемирный политический ландшафт представлял собой новую форму „града на холме” или «последнего рубежа», «конца истории». Эта ни с чем не сравнимая империя мало чем напоминала империи прошлого, которые возникали и разрушались. Мифология интернационального либерализма обещала Соединенным Штатам счастливую судьбу и бесконечный прогресс. Вильсон безоговорочно впитал миф об американской исключительности в понимании хода и направленности мирового исторического процесса» [Ambrosius, p. 2].

И первой страной, которая в тот период была призвана воспринять модель американской либеральной демократии, притом даже не дожидаясь окончания Первой мировой войны, должна была стать Россия! Для реализации своей цивилизационной миссии Америка должна была вступить в войну на стороне стран Антанты, т. е. Великобритании, Франции и России, но препятствием на этом пути являлось российское самодержавие с его «подавлением прав человека», в первую очередь еврейской диаспоры. В декабре 1911 г. Конгресс США почти единогласно денонсировал русско-американский договор «О торговле и мореплавании» 1832 г., действие которого США официально прекратили 1 января 1913 г. В апреле 1913 г. США отозвали своего посла из России, что в тот период расценивалось как практически полный разрыв двусторонних дипломатических отношений, которые были восстановлены только перед самым началом Первой мировой войны.

Решение Конгресса США денонсировать русско-американский договор о торговле явилось прямым следствием мощной лоббистской кампании, которую в 1911 г. провел Американский еврейский комитет, созданный в 1906 г. Комитет выражал интересы двухмиллионной еврейской общины в США. Однако за агитационной кампанией

комитета стояла группа влиятельных американских политиков, к числу которых принадлежал и В. Вильсон, ставший к тому времени губернатором шт. Нью-Джерси. Без сомнения, В. Вильсон рассматривал свое участие в агитационной кампании комитета как предваряющее президентские выборы 1912 г. Во всяком случае, он принял активное участие в слушаниях, посвященных денонсации русско-американского договора, организованных 11 декабря 1911 г. комитетом по иностранным делам Палаты представителей. На них В. Вильсон предстал непримиримым борцом с российским самодержавием, который ставит «права граждан» выше материальных интересов. «В основе нашей жизни, — заявил он в своей пафосной речи, — лежит принцип. Америка является не просто совокупностью торговцев — это совокупность свободных людей. Наше величие построено на нашей свободе — моральной, а не материальной. Нам свойственна страсть к наживе, но в не меньшей мере мы привержены правам человека. Принципы лежат в основе наших действий. Америка немыслима без них. Эти принципы не являются несовместимыми с материальным процветанием. Наоборот, если только мы не заблуждаемся, они совершенно необходимы для него. Однако мы не хотим материального процветания, если ради него наши сограждане должны терпеть пренебрежение к себе или лишиться прав, которые принадлежат каждому американцу. Такая цена слишком велика» [Termination of the Treaty of 1832... p.16].

Вступлению США в Первую мировую войну после президентских выборов 1916 г., которые завершились переизбранием В. Вильсона на второй срок, «мешало» именно российское самодержавие, тем более что война явно шла к победному для Антанты концу. Есть основания полагать, что февральско-мартовская революция 1917 г. явилась в том числе следствием решения англо-саксонских элит «сменить лошадей» на российском направлении [Об истоках и смысле вильсоновской концепции внешней политики см.: Травкина]. Объявляя 2 апреля 1917 г. в Конгрессе о своем решении объявить войну Германии, президент Вильсон уделил повышенное внимание «чудесным и ободряющим событиям, которые на протяжении последних нескольких недель происходили в России» [Wilson]. Конечная цель февральско-мартовской революции, а именно — воцарение в России либеральной политической системы, была продекларирована четко и недвусмысленно: «По своей природе, — утверждал В. Вильсон, — Россия всегда была страной с исконно демократической душой во всех проявлениях ее мысли, во всех личных близких взаимоотношениях ее населения, в которых выражались естественные инстинкты русских, их привычное отношение к жизни» [Wilson].

Если с этим пассажем можно целиком либо с оговорками согласиться, то взгляды В. Вильсона на цивилизационную природу политического строя России *volens nolens* наводят на мысль, что просвещенная часть американской политической элиты мыслила свержение русского самодержавия как прямую смену цивилизационного кода развития. «Самодержавие, — вещал американский президент, — венчавшее вершину политического строя России, несмотря на всю его продолжительность и ужасы, подкреплявшие реальность его власти, по сути не являвшееся русским по своему происхождению, характеру или цели, оказалось сотрясенным до основания, и великий и великодушный русский народ во всем своем наивном величии и могуществе стал составной

частью всех тех сил, которые борются за свободу, за справедливость и за мир. Вот подходящий соратник для Лиги Чести» [Wilson].

Дальнейшие события хорошо известны: гражданская война и распад Российской империи, которая территориально была восстановлена только с созданием СССР 30 декабря 1922 г. Вполне можно задаться вопросом: какую роль в трагических событиях 1917–1921 гг. сыграл кратковременный контакт генетических кодов развития двух цивилизаций весной-летом 1917 г. и не он ли направил Российскую империю по инвариантной траектории нисходящего развития? Достаточно убедительный ответ на этот вопрос дали события конца 1980-х — начала 1990-х годов, которые вошли в американскую политическую историографию под общим названием «конца Истории».

1989–1991 гг.: торжество либеральной демократии и распад СССР

Не будет преувеличением сказать, что идейно-теоретический климат в США, других западных странах, а также, возможно, и в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов определялся работами американско-японского политолога и философа Ф. Фукуямы, который с теоретических позиций определил значимость исторического периода, именуемого в США «окончанием холодной войны». Летом 1989 г. Фукуяма публикует в американском журнале *National Interest* резонансную статью под названием «Конец истории?» В качестве точки отсчета бывший высокопоставленный сотрудник Государственного департамента США выдвигает тезис, что XX в., начавшийся в атмосфере «уверенности в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к своим идейным истокам: не к предсказывавшемуся еще недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма».

В трактовке Ф. Фукуямы, мир на рубеже 1980–1990-х годов стал свидетелем «не просто конца холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конца истории как таковой, завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров «Форин афферз» по международным отношениям будут пустовать, — ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный» [Fukuyama The End of History? p. 4].

Бывшие социалистические страны Восточной Европы быстро стали перестраиваться под лекала американского политического либерализма во всех общественных сферах. Аналогичные процессы начались и в Советском Союзе. Однако крушение советской экономической модели вскоре привело к распаду СССР, что, безусловно, было уже не просто политической или социально-экономической катастрофой, а цивилизационным провалом могучей сверхдержавы с ядерным потенциалом, сравнимым с американ-

ским. Последствия развала СССР ощущаются — притом во все более острой форме — по сей день, ярким проявлением чего стала Специальная военная операция, начатая Россией 24 февраля 2022 г.

В настоящее время не приходится сомневаться, что распад СССР явился закономерным и, возможно, даже неизбежным следствием восприятия модели западной либеральной демократии в ее американском издании. В программной работе 1992 г. «Конец истории и последний человек», которая вышла уже без вопросительного знака по поводу хода исторических процессов, американско-японский философ достаточно недвусмысленно связал распад СССР с переходом из «исторического мира» в «постисторическое измерение», т.е. к универсальному миру ценностей политической либеральной системы. Более того, он прямо написал о том, что распад СССР является необходимым условием для продвижения его отдельных республик/регионов в направлении либеральных демократий западного типа [Fukuyama *The End of Ideology...* p. 277–278]. Иными словами, уже в начале 1990-х годов американская политическая элита была твердо уверена в том, что за распадом СССР должно последовать «растаскивание» бывшего пространства СССР по различным мировым центрам силы и влияния — геополитического, социально-экономического, культурно-религиозного.

«Деколонизация России»

Украинский кризис 2022 г., приведший к почти полному разрыву отношений между Россией и США и поставивший обе страны на грань ядерной конфронтации по образцу Кубинского кризиса октября 1962 г., способствовал и четкому проявлению планов Вашингтона по дальнейшей дезинтеграции евразийского пространства — прежде всего, расчленению РФ. 23 июня 2022 г. государственная структура США — объединенная комиссия Конгресса и исполнительной власти по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, известная как «Хельсинская комиссия США», провела слушания под названием «Деколонизация России», с более чем характерным подзаголовком: «Моральный и стратегический императив». В ходе слушаний была предельно четко обозначена стратегическая цель США в отношении России — распад РФ и ее расчленение на 17 республик («частей»). Слушания были построены вокруг идеи «деколонизированной» России, географические параметры которой приведены ниже на карте (рис. 2).

Российская Федерация была причислена к «параимперским» образованиям, по существу — отождествлена с СССР, только в «миниатюре». Обозначив главную стратегическую цель по отношению к России, Соединенные Штаты очертили контуры новой геополитической расстановки сил в российско-американских отношениях. Если раньше США считали РФ частью сообщества ведущих стран мира, межгосударственные отношения в котором подпадают под действие норм международного права, по крайней мере, в том виде, в каком они были зафиксированы в 1945 г. при создании ООН, то в настоящее время Америка стремится выстраивать отношения с Россией по имперскому принципу «метрополии и колонии», считая США цивилизационным центром, а РФ — цивилизационной периферией (в перспективе — частью колониальной системы сов-

ременной американской империи). С этой точки зрения Рах Americana все в большей степени начинает напоминать античную Рах Romana, но стоит вспомнить, что «Вечный город» в конечном счете погубили непокорные и свободолюбивые провинции, среди которых особую роль сыграла Иудея.

Рис. 2

**Стратегическая цивилизационная цель США по отношению к РФ:
расчленение на 17 «независимых» республик**

[Decolonizing Russia...]

Литература

Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. Москва. 2009.

Болховитинов Н.Н. Еще раз о продаже Аляски // США. Экономика, политика, идеология. 1998. № 10. С. 94-103.

Василенко И.А. Политическая глобалистика. М. 2000.

Высочайше ратифицированная конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний. Вашингтон. 18/30 марта 1867 г. — URL: clck.ru/322Yoh (дата обращения: 05.09.2022).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.1991.

- Дудин А.П.* Аляска: утерянные возможности // Академия Тринитаризма. М. Эл № 77-6567. Публ.10181. 07.01.2003. — URL: trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120044.htm (дата обращения: 05.09.2022).
- Знаменский А.* Россия — США: два берега. Аляска в современной российской геополитической риторике // Сибирские исторические исследования. 2016. №3. С.65-104.
- История Русской Америки. В трех томах. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825-1867. М. 1999.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том I. Теория и история цивилизаций. М. 2006.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том II. Будущее цивилизаций и гецивилизационные измерения. М. 2006.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том V. Цивилизации: прошлое и будущее. М. 2008.
- Пазюк Ю.В., Ефимова В.П., Кубрина В.А.* Закономерности развития локальных цивилизаций в третьем тысячелетии. Вопросы национальной безопасности. М. 2016.
- Пазюк Ю.В., Кубрина В.А., Ефимова В.П.* Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68. № 4. С. 84-95.
- Пыхтин С.* Как продавали Русскую Америку: темная сторона истории русско-американских отношений с 1824 по 1867 год // Москва. 2005. № 8. С. 144-165.
- Русская Америка. Аннотированный указатель литературы. Продажа Аляски (265-282). — URL: booksite.ru/fulltext/russ_america/index.html (дата обращения: 05.09.2022).
- Савойский А.Г.* Становление экономической дипломатии Российской империи в отношении США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 80-87.
- Савойский А.* Благодаря Александру I и Томасу Джефферсону... К 205-летию установления дипломатических отношений между Россией и США // Обозреватель/Observer, 2013. № 2. С. 114-123.
- Соколова Р.И.* Российская цивилизация и ее генетический код // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 2. — URL: polylogos-journal.ru/s258770110000045-1-1/ DOI: 10.18254/S0000045-1-1 (дата обращения: 05.09.2022).
- Травкина Н.М.* Морально-религиозные аспекты «14 пунктов» Вудро Вильсона // Новая и новейшая история. 2020. № 2, март — апрель. С. 182-191.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. 2003.
- Abrams E.* The New Cold War // Council on Foreign Relations. 04.03.2022. — URL: cfr.org/blog/new-cold-war-0 (date of access: 05.09.2022).
- Ambrosius L.* Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge. 2017.
- Cohen N.* The Abrogation of the Russo-American Treaty of 1832. // Jewish Social Studies. January 1963. Pp. 3-41.
- Cox M., Campanaro R.* Introduction to international relations. London. 2016.
- Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative. 23.06.2022. — URL: csce.gov/international-impact/events/decolonizing-russia (date of access: 05.09.2022).
- Fukuyama F.* The End of History? // National Interest. № 16. Summer 1989. Pp. 3-18.
- Fukuyama F.* The End of Ideology and the Last Man. N.Y.1992.
- The Global Magnitsky Human Rights Accountability Act. CRS Report. 03.12.2021. — URL: sgp.fas.org/crs/row/R46981.pdf (date of access: 05.09.2022).

- Golder F.* The Purchase of Alaska // *The American Historical Review*. April 1920. Pp.411-425.
- Ikenberry J.* A World Safe for Democracy. Liberal Internationalism and Crisis of World Order. New Haven. 2020.
- Invasion of Ukraine: Russia's Trade Status, Tariffs, and WTO Issues. CRS Insight. Updated: 18.03.2022. — URL: crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11881 (date of access: 05.09.2022).
- Manifest Destiny // *History.com*. Updated: 15.11.2019. — URL: history.com/topics/westward-expansion/manifest-destiny (date of access: 05.09.2022).
- Monroe J.* Seventh Annual Message (Monroe Doctrine). December 2, 1823. Transcript // UVA. Miller Center. — URL: millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine (date of access: 05.09.2022).
- Papers Relating to Foreign Affairs, Accompanying the Annual Message of the President to the Second Session of the Fortieth Congress. Russia. Diplomatic Correspondence. Document 318. Prince Gortchacou to Mr. de Stoeckl. Peterhoff, August 10-31, 1865 // U.S. Department of State. Office of Historian. — URL: history.state.gov/historicaldocuments/frus1867p1/d318 (date of access: 05.09.2022).
- Papers Relating to Foreign Affairs, Accompanying the Annual Message of the President to the Second Session of the Fortieth Congress. Russia. Diplomatic Correspondence. Document 325. No 140. Mr. Clay to Mr. Steward. Legation of the United States, St. Petersburg, Russia, May 10, 1867 // U.S. Department of State. Office of Historian. — URL: history.state.gov/historicaldocuments/frus1867p1/ch3 (date of access: 05.09.2022).
- Pregelj V.N.* Jackson-Vanik Amendment: A Survey. CRS Report for Congress. Updated: 01.08.2005. — URL: sgp.fas.org/crs/row/98-545.pdf (date of access: 05.09.2022).
- Termination of the Treaty of 1832 Between the United States and Russia. Hearing before the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives. Monday, December 11, 1911. Washington. 1911.
- Turner F.* The Significance of the Frontier in American History (1893) // American historical association. — URL: [historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/the-significance-of-the-frontier-in-american-history-\(1893\)](https://historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/the-significance-of-the-frontier-in-american-history-(1893)) (date of access: 05.09.2022).
- United States Relations with Russia: Establishment of Relations to World War Two. 1860-1890 // U.S. Department of State. Archive. — URL: 2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/fs/85739.htm (date of access: 05.09.2022).
- Walt St.* An International Relations Theory Guide to the War in Ukraine A consideration of which theories have been vindicated—and which have fallen flat // *Foreign Policy*. 08.03.2022. — URL: foreignpolicy.com/2022/03/08/an-international-relations-theory-guide-to-ukraines-war/ (date of access: 05.09.2022).
- Wilson W.* Address to a Joint Session of Congress Requesting a Declaration of War Against Germany. 02.04.1917 // The American Presidency Project. — URL: presidency.ucsb.edu/documents/address-joint-session-congress-requesting-declaration-war-against-germany (date of access: 05.09.2022).